

«Островная» геополитика Вадима Цымбурского

«[Я] пишу о России – “евразийской Атлантиде”
в полукольце Великого Лимитрофа, рискующей потонуть
в его поднимающемся приливе» [11, с. 366].
В.Л. Цымбурский

Работая с текстами о российской внешней политике, я не раз сталкивался с оригинальными концепциями и парадоксальными размышлениями их авторов. Русская мысль полна ими. Но, пожалуй, и в этом ряду геополитическим теориям Вадима Леонидовича Цымбурского принадлежит особое место.

Роль Цымбурского в переосмыслении русской геополитики

Среди многих заслуг Цымбурского в развитии российской политической мысли следует прежде всего назвать его роль в переосмыслении геополитики. В советское время геополитика находилась под официальным запретом, но использовалась в спецслужбах и связывалась с удержанием и экспансией политической власти государства. Геополитические разработки сохранили свою значимость и в связанных с военным планированием государственных учреждениях, в частности Генеральном штабе, где искали пути активного глобального противостояния атлантистским планам США. Из схожего понимания геополитики в основном исходили и те, кто после распада СССР озабочился укреплением позиций России на пространствах Евразии. Для многочисленной группы державников и имперцев геополитика означала прежде всего расширение границ – желательно до периметра советских. Эта линия мышления нашла свое развитие в работах Александра Дугина, переформулировавшего евразийство как теорию геополитической экспансии сухопутных держав против держав атлантической ориентации. Последние объединялись усилиями США и Англии, а роль лидерства евразийских держав была уготована России.

Дугинские теории встретили сопротивление со стороны теоретиков новой волны умеренного евразийства, среди которых были и близкие к правительству эксперты, и члены академического сообщества. В силу своей эрудиции и активности Цымбурский оказался среди них интеллектуально наиболее влиятельным, а его концепция «Острова России» – наиболее радикальным пересмотром прежних геополитических представлений¹. Среди тех, кто не принадлежал к либерально-западническим группировкам – а Цымбурский к ним не принадлежал, – мало кто отваживался открыто защищать изоляционистскую стратегию для страны, не боясь при этом упреков в «сдаче позиций». Цымбурский же доказывал, что позиция геополитического острова обеспечивала новому руко-

¹ Наследие Цымбурского, конечно же, не исчерпывается концепцией «Острова России». Более подробно о различных идеях ученого см. монографию Б.В. Межуева [1].

водству страны условия, необходимые для выживания в постсоветский период. В отличие от Дугина он был убежден, что после распада СССР основные угрозы России исходят не от Запада или иных цивилизационных сообществ, а от нестабильности близлежащего периферийного окружения (Лимитрофа). Для Цымбурского речь шла не только и не столько о границах, сколько о парадигме развития постсоветской России в оптимальных для нее условиях умеренной изоляции от основных центров мира.

Отправным для Цымбурского стало понятие Великого Лимитрофа, или череды территорий, отделяющих Россию как от романо-германской Европы на западе, так и от юга и востока. Речь шла о широком междоцивилизационном поясе, включающем в себя Восточную Европу с Прикарпатьем и Приднестровьем, Закавказье с горным Кавказом, казахстанско-среднеазиатский край, зону обитания тюрко-монгольских народов, буддистов и мусульман по российско-китайской границе [6, с. 187].

В отличие от ряда классических евразийцев, а также от неоевразийцев дугинского направления, Цымбурский считал несомненным благом для России то, что она не должна более включать в свой состав полосу Лимитрофа. Рассматривая Россию в качестве «цивилизационной платформы», ученый не считал, однако, народы «территорий-проливов» достаточно интегрированными в ткань русской цивилизации. Вместо такой интеграции он предлагал сосредоточиться на внутреннем цивилизационном обустройстве и укреплении «Русской Евразии», сформировавшейся в заволжско-сибирском пространстве между двумя крупнейшими реками, Волгой и Енисеем.

Помимо цивилизационных у Цымбурского имелись и сугубо геополитические соображения приветствовать распад советских границ. Считая «территории-проливы» не освоенными в этноцивилизационном отношении, он расценивал их как «геополитически однородные» с точки зрения обеспечения российской безопасности. Переформулируя Макиндера, Цымбурский обращал внимание на разворачивающуюся в мире борьбу за контроль над Великим Лимитрофом [13, с. 412]. Россия, выпуская его из сферы своих непосредственных владений, приобретала тем самым необходимую для обеспечения безопасности буферную зону, а, следовательно, и возможность заняться внутренним обустройством страны. «Россия, покидая «территории-проливы», отходит «к себе», на «остров», с предельным восстановлением дистанцированности от иных евроазиатских этноцивилизационных платформ» [10, с. 22]. Настаивая на необходимости движения к «своему Востоку» – от европейской части к Урало-Сибирскому региону и Приморью, – Цымбурский видел сердцевинную часть страны «государством, у которого на западе окажутся «территории-проливы», отделяющие его от Европы, а на востоке всё те же трудные пространства» [10, с. 25].

Позволяли ли России международные условия осуществить свою миссию внутреннего цивилизационного сосредоточения? Даже если допустить, что свобода для русских сводилась именно к последнему, то могло ли государство позволить себе инвестировать огромные ресурсы в «новую колонизацию» зауральских территорий, включая перенос туда столицы страны¹, в условиях наличия требующих внимания внешних угроз?

Ответ Цымбурского сводился к тому, что у России есть запас нескольких десятилетий, поскольку «островное» положение страны делает крайне трудным оказание на нее военного давления со стороны как Запада, так и Китая. Однако для успеха нового освоения собственных территориальных пространств необходима соответствующая пониманию императива внутренней

¹ Вслед за Семеновым-Тянь-Шанским Цымбурский отстаивал идею переноса столицы, считая оптимальным для этого район Новосибирска [10, с. 26; 5, с. 278–285].

геополитики внешняя политика государства. В основу этой политики ученый предлагал положить принцип балансирования между основными субцентрами мира, не входя при этом в их число. Сравнивая такую политику с политикой другого «островного» государства, Британии, Цымбурский писал, что «Россия XXI в. – не претендент на гегемонию, а противник абсолютной гегемонии любого из субцентров» [7, с. 40]. Полемизируя со сторонниками пересмотра границ и полноимперского возрождения России, он был убежден, что страна «в нынешних границах сможет решить задачи на своем востоке, отложенные на века Империей» [7, с. 39]. Развивая эту мысль, ученый предупреждал: «...вменяя России европейскую, евразийскую, “римские” и подобные континентальные миссии, мы доиграемся до того, что потеряем Сибирь, а с ней потеряем и Россию» [7, с. 39].

Таким образом, Цымбурский задолго до прихода в официальный лексикон терминологии цивилизации и самобытных ценностей поставил вопрос о геополитике ценностей, способствовал легитимизации такой постановки (поскольку публиковался в основном в мейнстримных и даже близких правительству изданиях) и предложил свое решение вопроса. Ценностями возрождения «российской атлантиды» были для него не расширение границ, а их консолидация на «беловежских» основаниях для экономического и социального развития страны. В этом заключалась так и не реализовавшаяся консервативная, а в сравнении с консерватизмом советского типа – неоконсервативная, альтернатива начатому Ельциным разрушительному для страны неолиберальному курсу. В силу сочетания изоляционизма с отстаиванием этнокультурных ценностей, Цымбурского многие называли русским Хантингтоном (хотя сам он, кажется, предпочитал именоваться шпенглерянцем), а национальные демократы стремились зачислить его в свои сторонники. Последние, впрочем, так и не осознали геополитических тревог ученого и того значения, которое он придавал государству в экономическом освоении страны.

Интеллектуальные корни и позиция в российских спорах

Позиция Цымбурского в евразийском дискурсе оказалась глубоко своеобразной и многими не разделялась. Он вел полемику как с либералами-западниками и державниками, желавшими, по его убеждению, возвращения ко временам петровско-советской надорванности, так и с представителями традиционной и дугинской геополитики. И те, и другие, считал ученый, руководствовались абстрактными миссионерскими доктринами вроде Второго или Третьего мира, а не цивилизационными интересами самой России. Имея в фокусе внутреннее геополитическое обустройство, «Русская Евразия» Цымбурского стала новым своеобразным витком развития евразийской мысли на этапе поисков постимперского сосредоточения страны.

Из множества интеллектуальных влияний на Цымбурского стоит выделять как российских, так и западных критиков глобального универсализма и защитников культурной самобытности в мире конкурирующих цивилизаций¹. Впрочем, ни одно из этих влияний нельзя считать безоговорочным. Из российских мыслителей он высоко отзывался о Данилевском и представителях русской географической школы. Первого Цымбурский ценил за новую для XIX столетия постановку вопроса об отношении России и Европы «не как противостоящих принципов жизни на едином пространстве и его организации»,

¹ Подробнее о месте Цымбурского в теориях культурной самобытности России см: [2].

а в качестве «двух отдельных, лишь формально соприкасающихся и в силу этого конфликтующих на своих рубежах геокультурных пространств» [9]. У русских же географов ученый позаимствовал концепцию русской Евразии. Цымбурский настаивал на смещении акцентов на внутреннее освоение территорий за Уралом, считая необходимым говорить не о России-Евразии, а о России в Евразии. Он следовал в этом за русским географом начала XX столетия Вениамином Семеновым-Тянь-Шанским, выступавшим за перенос приоритетов имперского строительства с европейской России в ее уральско-сибирскую и азиатскую части. Только так, на основе внутреннего развития, считал Цымбурский, русская цивилизация смогла бы обеспечить условия для нового сближения с народами Лимитрофа [4]. При этом ученый с последовательно изоляционистских позиций подвергал критике и Данилевского, в частности, за его надежды на выстраивание союза с Германией, считая, что сильная Германия способна разрушить оптимальный для России культурно-цивилизационный баланс сил в Евразии¹.

Из западных влияний, вероятно, важными были Освальд Шпенглер и Самюэл Хантингтон, хотя Цымбурский признавал вторичный, по сравнению с Данилевским, характер их теоретизирования. Из заочной полемики с Хантингтоном во многом родились лимитрофные акценты Цымбурского, стремившегося подчеркнуть не учтенное американским ученым наличие «народов между цивилизациями» [8]. Кроме того, Цымбурский никак не мог принять уготованной американцем России роли. Согласно Хантингтону, Западу следовало взять российскую «православную цивилизацию» в союзники против чуждых цивилизаций ислама и Китая. По его мнению, Россия тем самым могла бы способствовать разрешению собственной цивилизационной дилеммы, ибо, подобно Турции и Мексике, находилась в состоянии внутреннего «культурного разрыва» между западниками и традиционалистами. По мнению Хантингтона, Россия находится в наиболее опасном положении – ее элиты пребывают в нерешительности по поводу присоединения к Западу; при этом не ясно, готово ли российское общество к пересмотру своей цивилизационной идентичности, а Запад не слишком-то выражает готовность принять Россию [16, р. 43]. В своей книге Хантингтон развивал эту позицию, утверждая, что «Россия, тесно сотрудничающая с Западом, обеспечит дополнительные противовесы конфуцианско-исламской оси» и что Западу следует «принять Россию в качестве ключевого православного государства и важнейшей региональной державы с легитимными интересами в области безопасности ее южных границ» [17, р. 241, 312].

Цымбурского, считавшего, что основной пафос теории Хантингтона состоит не в предупреждении о возможном столкновении цивилизаций, а в противопоставлении Запада всем незападным цивилизациям [12; 8], перспектива союза с западным миром отнюдь не радовала. Он считал не случайным то, что Хантингтон выпустил из виду другие важные внутрицивилизационные конфликты, например, внутри Китая (проблема Тибета), между Индией и Пакистаном и др. Что касается России, то ответ на внутренние угрозы должен быть опять-таки внутренним, связанным с большей интеграцией российской цивилизации. Союз же против «мусульманско-конфуцианского блока» мог, по убеждению Цымбурского, иметь весьма опасные последствия. «Против нас чересчур долго разыгрывали китайскую и исламскую карту, чтобы нам теперь не постараться избежать расклада, который бы позволял Западу канализировать приливы

¹ Более подробно об отношении к Данилевскому см. фрагмент докторской диссертации Цымбурского «Морфология российской геополитики», опубликованный под названием «Николай Данилевский как геополитик» [9].

внешнепролетарской агрессивности¹ в направлении “русско-православной” цивилизации» [12, с. 211]. Опасения Цымбурского были настолько велики, что в идеях Хантингтона он увидел движение деградирующего Запада в направлении от либерализма к фашизму [3]. После террористических атак «Аль-Каиды» в США в сентябре 2001 года Цымбурский выступил против союза с Западом, считая для России возможным и необходимым сохранить влияние в Средней Азии и на Кавказе – на путях развития культурных и политических связей с Китаем, Индией и Ираном [15].

Уроки Цымбурского

Важнейшим из уроков ученого следует считать необходимость внутреннего освоения русского культурного пространства. Будучи мыслителем-геополитиком, Цымбурский по-своему, задолго до официального поворота к Сибири и Азии, обосновал мысль о необходимости «обустройства» страны и «сбережения народа» (А. Солженицын). При этом он всем своим творчеством отстаивал право не отождествлять изоляционизм со сдачей ценностных и геополитических позиций – цивилизации Запада. Будучи державником и находясь под влиянием позднеславянофильских и евразийских теорий, он был противником

¹ «...Помимо этого внутреннего пролетариата на окраинах великих империй и перифериях цивилизаций скапливается “внешний” пролетариат – миллионы “полужылых” людей, выпавших из своей исторической традиции, озлобленных на цивилизацию за те запросы, которые она в них пробудила, но не смогла удовлетворить.

Можно признать, что в этом аспекте положение современного постимперского сообщества лучше, чем некогда было в Римской империи, хотя бы потому, что внутри евро-американской цивилизации отсутствует сколько-нибудь значительный пролетарский контингент. В прошлом веке культурный и имущий слой (“демос”) оказался достаточно силен, чтобы отбить натиск внутреннего пролетариата – победа, за которую Запад должен вечно благословлять Кавеньяков и Галифе. В итоге западное общество смогло интегрировать рабочий класс в свою структуру, что означало ликвидацию пролетарского состояния и пролетарской психологии.

Напротив, в нашей стране после Октябрьского переворота отчуждение гигантских людских скопищ от всех легитимных норм, наводнение земель бывшей Российской империи уродцами из творений А. Платонова было невероятно – и по темпам, и по масштабам. К тому же на наших территориях пролетариат внутренний незаметно переходит во “внешний”, заявивший о себе в Сумгаите, Фергане, Оше, Намангане, Молдове. Но как внутренний, так и “внешний” пролетариат СССР по отношению к постимперскому Западу, особенно к его европейской части, представляет огромный восточный очаг “внешнего” пролетариата, на кавказско-среднеазиатской окраине смыкающийся с южным очагом, представленным движением “пылающего ислама”. <...>

Теперь разрушительные волны, готовые ринуться на Европу с юга и востока, черпают импульс не в единой, ведающей свою цель злой воле, а в хаосе нелегитимных воцелений. Повальная суверенизация, иступленное припоминание и измышление “исторических чаяний и прав” вызовут в Европе и за Атлантикой всплеск “защитных” национально-ультраправых и изоляционистских движений, что в итоге обернется рыхлением политических тканей, трайбализацией всего и вся и распадом постимперского содружества на островки враждующих друг с другом волей. Клич такой суверенизации: “Каждый за себя! <...>

Сможет ли Запад так же бороться с “внешним” пролетариатом, как он боролся с внутренним – отбивая и подавляя, сдерживая и разделяя, соблазняя и интегрируя? История не кончилась до тех пор, пока ценности универсальной гражданственности человеческого рода противостоят ценностям расползающейся “великой простоты” – ценностям раковой клетки. История не кончилась, пока Град Земной, где никогда до конца не сольются Закон с Благодатью, способен защитить себя от кромешных опытов низведения Царства Божия на землю явочным порядком» (Цымбурский В.Л. *Бес независимости* // Век XX и мир. 1991. № 3). *Примеч. ред.*

пронизывающей эти теории мысли о расширении империи. И хотя у Цымбурского, как и у многих мыслителей геополитической направленности, оказались недостаточно проработанными духовные и идеологические основания русскости, общая постановка проблемы оказалась совершенно правильной.

Вторым уроком Цымбурского является, по-видимому, необходимость для России длительного периода политики гибких союзов в целях создания необходимых внешних условий для внутреннего выздоровления. В этом ученый также выступал с позиций державного изоляционизма, являясь последовательным сторонником «сосредоточения» России. После поражения в Крымской войне Россия «сосредотачивалась», проводя в жизнь политику гибких союзов, пока не смогла, наконец, восстановить утраченные позиции на Черном море. «Мирное сосуществование» и «теория» социализма в отдельной взятой стране были своего рода попытками сосредоточения, ослабления внешней угрозы. Наконец, аналогичный способ державного мышления был характерен для Евгения Примакова, стремившегося маневрировать между Западом, Китаем и Индией после окончания холодной войны. Однако все эти проявления одного и того же подхода в конечном счете не дали ожидаемого результата. Так, из попыток сдерживать глобальные амбиции США мало что получилось, свидетельством чему стала неудача в организации «стратегического треугольника» Россия – Китай – Индия или же неспособность материально противостоять западным странам в вопросах поддержки суверенитета Ирака и Сербии.

Проблема заключается в невозможности для России проводить «горчаковско-сталинскую» политику маневрирования между крупными державами в условиях гегемонии единственной сверхдержавы. Действия в условиях де факто однополярного мира (или полутораполярного, как его называл вслед за Хантингтоном Цымбурский¹) не могут быть простым воспроизводством действий в условиях многополярности. Восприятие национального интереса как связанного с необходимостью сдерживать глобальные амбиции США представляется неточным. Концепция многополярности как желаемого результата требует слишком значительных материальных и политических затрат и обладает лишь поверхностным сходством со стратегией Горчакова. Вместо сосредоточения на внутреннем экономическом и социальном возрождении Россия должна была выстраивать модели сдерживания политики Запада и интеграции периферии. Неизменное восприятие Запада лишь как «полюса силы» помешало увидеть и воспользоваться некоторыми взаимовыгодными возможностями. В выстраивании же отношений с постсоветскими государствами были явно недооценены рыночные инструменты и возможности мягкой силы. Вместо опоры на частный сектор, взаимовыгодные двусторонние договоренности и неправительственные организации русского мира упор подчас делался на вызывавшие отторжение многосторонние договоренности, зачастую воспринимавшиеся как «имперский синдром» России. В целом российское внешнеполитическое мышление все еще несет на себе иногда печать советской ориентации на сдержи-

¹ Термин “uni-multipolar world” был введен С. Хантингтоном в научный оборот в статье “The Lonely Superpower” в мартовско-апрельском выпуске “Foreign Affairs” за 1999 год (р. 35–48). Одним из вариантов его перевода на русский язык стал «полутораполярный мир». Этот перевод существовал наряду с другими («одно-многополярный мир», «асимметричная многополярность» и т.д.). Примечательно, что термин «полутораполярность» для характеристики мирового порядка 1990-х годов был введен в научный оборот А.Д. Богатуровым за два года до С. Хантингтона – в монографии «Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945–1995)», увидевшей свет в 1997 году. Этим термином ученый хотел подчеркнуть наличие военно-политического паритета США и России при кардинальном несовпадении возможностей по другим аспектам совокупного потенциала. *Примеч. ред.*

вание Запада в условиях биполярной структуры международных отношений и все еще недостаточно приспособлено к новым условиям мира после холодной войны.

Цымбурский не мог предвидеть, сколько продлится необходимая для России пауза в международных отношениях. Он полагал, что у страны, возможно, есть запас нескольких десятилетий, настаивая на необходимости использовать время для новой колонизации земель за Уралом. К сожалению, со времени ухода Цымбурского положение России не стало проще. Экономическая стагнация, новое обострение отношений с Западом по широкому кругу вопросов, конфликт с Украиной осложняют проведение наступательного внешнеполитического курса и вновь актуализируют поиск как изоляционистской альтернативы, так и гибкой союзнической политики в интересах внутреннего развития. Вместе с тем, усилившееся давление западного мира существенно затруднило реализацию такой альтернативы. Ведь у Цымбурского она держалась на сохранении Лимитрофа и согласии на это внешних игроков¹. Такого согласия сегодня не существует, а России приходится защищать свои интересы и ценности от поглощения западных территорий-проливов Евро-Атлантикой.

Трудно сказать, поддержал бы Цымбурский воссоединение с Крымом, ведь и после грузинского конфликта он продолжал настаивать на том, что «нынешние контуры России оптимально отвечают российской геополитике пространств» и что «выдвижение к Босфору и Дарданеллам – это идея... совершенно абсурдная с точки зрения внутренних задач России» [14]. С другой стороны, на Украине оказались попранными коренные интересы и ценности России, а Цымбурский, конечно же, не был изоляционистом до степени готовности жертвовать таковыми. Модель «острова России» не означала для него «эмиграции из Евразии». Напротив, она предполагала, что «собственно геополитические внешние интересы России привязаны в максимальной мере к Великому Лимитрофу, тогда как проблемы других цивилизационных платформ для нас имеют скорее миросистемный, чем геополитический смысл» [6]. Мир уже пришел в движение, и России приходится приспосабливаться к новым для нее условиям.

Каким бы ни был курс внешней политики России, очевидно, что укрепление ее независимости сегодня сопряжено с необходимостью приоритетного развития ценностных, социальных и экономических оснований, а значит, и с новым периодом сосредоточения во внешней политике. У России имеется немалый исторический потенциал для проведения внешней политики ценностей². Однако эти ценности должны быть прежде всего четко сформулированы и разделяться широкими кругами ее граждан. Переформулировать сообразно времени традиционные русские ценности и идею национального сосредоточения – задача сложная, которая под силу философам и международникам-теоретикам, но не пиарщикам, экспертам и журналистам. Не сомневаюсь, что идеи Цымбурского окажутся в этом немалым подспорьем.

¹ Это – уязвимая черта теории Цымбурского, который, по воспоминаниям Бориса Межуева, даже сказал однажды в близком к отчаянию состоянии, что его модель может прекратить свое существование и актуальной может стать геополитика Дугина. За информацию и разъяснение я благодарен Борису Межуеву, а также Тимофею Бордачеву. *Примеч. авт.*

² Подробнее о российском потенциале мягкой силы см.: [18].

Литература

1. Межуев Б.В. Политическая критика Вадима Цымбурского. М., 2012.
2. Цыганков А.П. Международные отношения: традиции русской политической мысли. М.: Альфа-М, ИНФРА-М, 2013.
3. Цымбурский В.Л. Выступление на Круглом столе «“Цивилизационная модель” международных отношений и ее импликация» // Полис. 1995. № 1.
4. Цымбурский В.Л. Дважды рожденная «Евразия» и геостратегические циклы России // Цымбурский В.Л. Остров Россия: Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. М.: РОССПЭН, 2007. С. 441–463.
5. Цымбурский В.Л. Зауральский Петербург: альтернатива для российской цивилизации // Цымбурский В.Л. Остров Россия: Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. М.: РОССПЭН, 2007. С. 278–285.
6. Цымбурский В.Л. Земля за Великим Лимитрофом: от «России-Евразии» к «России в Евразии» // Цымбурский В.Л. Остров Россия: Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. М.: РОССПЭН, 2007. С. 181–197.
7. Цымбурский В.Л. Метаморфоза России: новые вызовы и старые искушения // Цымбурский В.Л. Остров Россия: Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. М.: РОССПЭН, 2007. С. 29–43.
8. Цымбурский В.Л. Народы между цивилизациями // Цымбурский В.Л. Остров Россия: Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. М., 2007. С. 212–238.
9. Цымбурский В.Л. Николай Данилевский как геополитик // Русская idea. 2014. 3 октября. URL: <http://politconservatism.ru/forecasts/nikolay-danilevskiy-kak-geopolitik-chast-pervaya-/>; 2014. 8 октября. URL: <http://politconservatism.ru/forecasts/nikolay-danilevskiy-kak-geopolitik-chast-vtoraya/>
10. Цымбурский В.Л. Остров Россия // Цымбурский В.Л. Остров Россия: Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. М.: РОССПЭН, 2007. С. 5–28.
11. Цымбурский В.Л. «От великого острова Руси...» // Цымбурский В.Л. Остров Россия: Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. М.: РОССПЭН, 2007. С. 340–368.
12. Цымбурский В.Л. Сюжет для цивилизации-лидера: самооборона или саморазрушение? // Цымбурский В.Л. Остров Россия: Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. М.: РОССПЭН, 2007. С. 198–211.
13. Цымбурский В.Л. Хэлфорд Макиндер: трилогия хартленда и призвание геополитика // Цымбурский В.Л. Остров Россия: Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. М.: РОССПЭН, 2007. С. 388–418.
14. Цымбурский В.Л. Шельф Острова Россия. Геополитика пространств и геополитика границ. Выступление на «круглом столе» Института национальной стратегии «Россия после признания: конец эпохи Ельцина – Путина» 18 сентября 2008 года // Русский Архипелаг. URL: <http://www.archipelag.ru/authors/cimbursky/?library=2783>
15. Цымбурский В.Л. Это твой последний геокультурный выбор, Россия? // Цымбурский В.Л. Конъюнктуры Земли и Времени: геополитические и хронополитические интеллектуальные исследования. М.: Европа, 2011. С. 75–84.
16. Huntington S.P. The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs. Summer 1993. Vol. 72. № 3. P. 22–49.
17. Huntington S.P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York, 1996.
18. Tsygankov, Andrei P. Moscow's Soft Power Strategy // Current History. Vol. 112. Issue 756. October 2013.

Аннотация. В статье осмысливается роль Вадима Цымбурского в переосмыслении геополитики и геополитической теории. В частности, обсуждается его теория «островного» положения России. Также обсуждаются проблема геополитики ценностей, интеллектуальные влияния и позиция ученого в российских внешнеполитических спорах. В качестве уроков Цымбурского выделяются необходимость внутреннего освоения русского культурного пространства и длительного периода политики гибких союзов в условиях полутораполярного мира.

Ключевые слова: Россия-«остров», геополитика ценностей, полутораполярный мир.

Andrei P. Tsygankov, PhD, San Francisco State University, Departments of Political Science and International Relations, Professor.

«Island» Geopolitics of Vadim Tsymbursky.

Abstract. The article analyzes the role of V. Tsymbursky in rethinking geopolitics. In particular, his theory of Russia as a geopolitical “island” is discussed. Other discussed issues include the geopolitics of values, intellectual influences, and Tsymbursky’s position in Russian foreign policy debates. The article formulates two lessons of the thinker for Russia – the need in mastering Russian cultural space and a long period of flexible foreign policy under the conditions of uni-multipolar world.

Keywords: geopolitical “island”, the geopolitics of values, the uni-multipolar world.